

05,12

Морфология и магнитные свойства полых сфер Co_3O_4

© А.В. Дмитриев¹, Е.В. Владимирова^{1,¶}, А.П. Есаулков¹, В.Д. Журавлев¹, М.В. Кузнецов¹, С.А. Упоров²

¹ Институт химии твердого тела УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

² Институт металлургии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

¶ E-mail: vladimirova@ihim.uran.ru

Поступила в Редакцию 20 августа 2020 г.

В окончательной редакции 20 августа 2020 г.

Принята к публикации 26 августа 2020 г.

Методом ультразвукового спрей-пиролиза синтезированы наноструктурированные полые сферы Co_3O_4 . Нанокристаллы, формирующие структуру сфер, отличаются размером и плотностью упаковки в зависимости от условий синтеза. Образцы аттестованы методами рентгеновской дифракции, сканирующей электронной микроскопии, низкотемпературной сорбции азота, вакуумной пикнометрии, КР- и РФЭ-спектроскопии. Полевые и температурные зависимости намагниченности показали, что размер и плотность упаковки нанокристаллов определяют магнитные характеристики и температуру Нееля полых сфер Co_3O_4 .

Ключевые слова: ультразвуковой спрей-пиролиз, полые сферы Co_3O_4 , слабый ферромагнетизм, обменное смещение, температура Нееля.

DOI: 10.21883/FTT.2020.12.50294.173

1. Введение

Наноструктурированные магнитные материалы представляют интерес как с точки зрения фундаментальной науки, так и для ряда прикладных задач, например, в спинтронике, магнитооптических устройствах и биомедицине, хранения данных со сверхвысокой плотностью и т.д. [1,2]. На сегодняшний день магнитные наноструктуры получены в виде наносфер [3], нанобоксов [4], наноколец [5], нанопроволок/стержней/трубок [6] и тонких пленок [7]. Магнитные свойства наноструктурированных материалов определяются размером, формой и пространственным расположением наночастиц.

Полые сферы представляют интерес благодаря низкой плотности и большому объему пор, они могут быть использованы в медицинской диагностике и для контролируемого высвобождения лекарств [8,9], накопления и преобразования энергии [10,11], в фотокатализе [11,12], химических сенсорах [13,14]. Перспективным материалом для такого рода задач может выступать оксид кобальта Co_3O_4 . Объемный Co_3O_4 представляет собой антиферромагнетик (AFM), имеющий температуру Нееля (T_N) ниже 40 К [15,16]. Магнитные моменты в Co_3O_4 возникают благодаря ионам Co^{2+} , в основном, из-за спинов с небольшим вкладом спин-орбитального взаимодействия [17]. Ионы Co^{3+} в октаэдрических позициях являются диамагнитными вследствие расщепления $3d$ -уровней октаэдрическим кристаллическим полем и полного заполнения уровней t_{2g} . Исследование наночастиц Co_3O_4 показало образование метастабильных состояний, таких как суперпарамагнитное и спиновое стекло [17–19], связанных с увеличением площади поверхности нанокристаллов. По данным [20], наночастицы Co_3O_4 , диспергированные в SiO_2 , проявляют супер-

парамагнитное поведение с температурой блокировки $T_B = 3.4$ К. В работе [21] обнаружен антиферромагнитный переход при 26 К для частиц размером 17 нм, в то время как для объемных образцов $1-2 \mu\text{m}$ подобный переход наблюдался при 30 К. Дополнительно авторы [21] зафиксировали слабый ферромагнетизм (FM) ниже температуры Нееля и эффект обменного смещения петли гистерезиса. Mousavand с соавторами [22] установили зависимость T_N от размера частиц в Co_3O_4 и наблюдали увеличение намагниченности при температуре $T_f = 10$ К [22] связанное с взаимодействием некомпенсированных моментов на поверхности кристалла.

Значительно меньше публикаций посвящено исследованию магнитных свойств наноструктурированных материалов. Природа таких материалов определяется не только свойствами наночастиц, но и взаимодействием между ними. Системы взаимодействующих магнитных наночастиц могут демонстрировать большое разнообразие явлений, которые представляют научный и практический интерес [23].

Магнитные свойства полых сфер Co_3O_4 обсуждались в работе [24]. Увеличение ферромагнитных характеристик (коэрцитивной силы и намагниченности) с уменьшением диаметра сфер авторы связали с ростом кривизны поверхностей. По нашему мнению, магнитные свойства определяются не только диаметром сфер, но и их морфологией (размером наночастиц и плотностью их упаковки в оболочке). В настоящее время влияние этих факторов на магнитные свойства полых сфер Co_3O_4 не исследовалось.

Одним из способов получения наноструктурированных материалов разной морфологии является самосборка. В частности, процесс самосборки реализуется при испарении растворителя из раствора прекурсора.

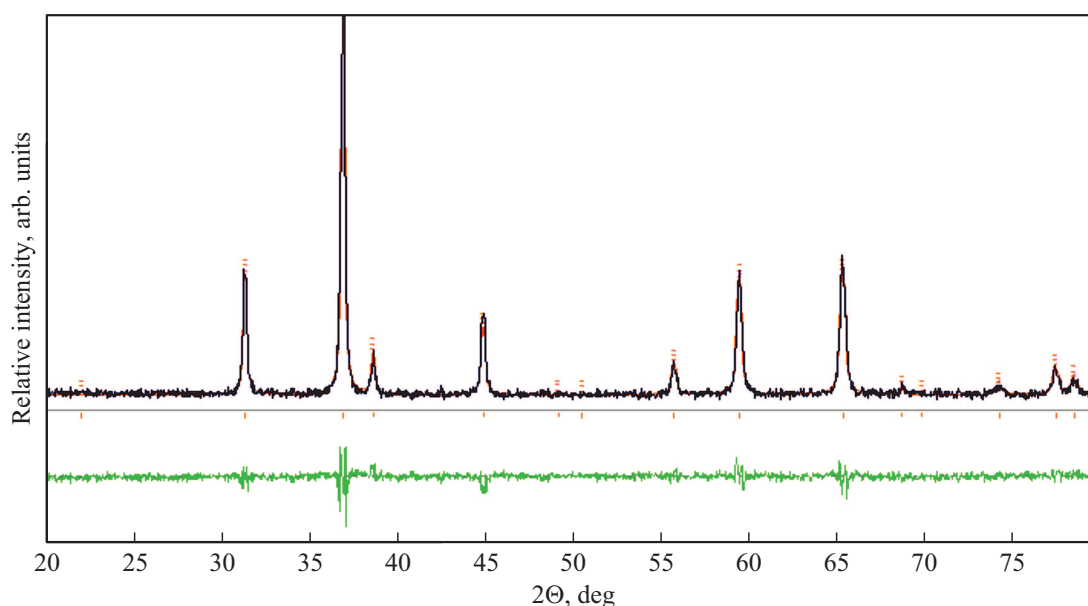

Рис. 1. Экспериментальная, расчетная и разностная рентгенограммы образца № 1 Co_3O_4 .

Конкуренция между скоростями испарения растворителя и диффузии растворенных компонент приводит к переходу от случайного распределения растворенных частиц к фиксированному с определенной морфологией. Среди различных методов синтеза ультразвуковой спрей-пиролиз (USP) является простым и универсальным подходом, позволяющим управлять процессом самосборки полых сфер из растворов. Изменяя скорость удаления растворителя (за счет варьирования температуры сушки капель аэрозоля) и скорость диффузии растворенных компонент (за счет образования металлоорганических комплексов), получают сферы различной морфологии [25,26,27].

Цель работы: методом ультразвукового спрей-пиролиза получить сферические полые сферы Co_3O_4 с различной плотностью оболочки и установить влияние размера наночастиц и плотности их упаковки на магнитные свойства.

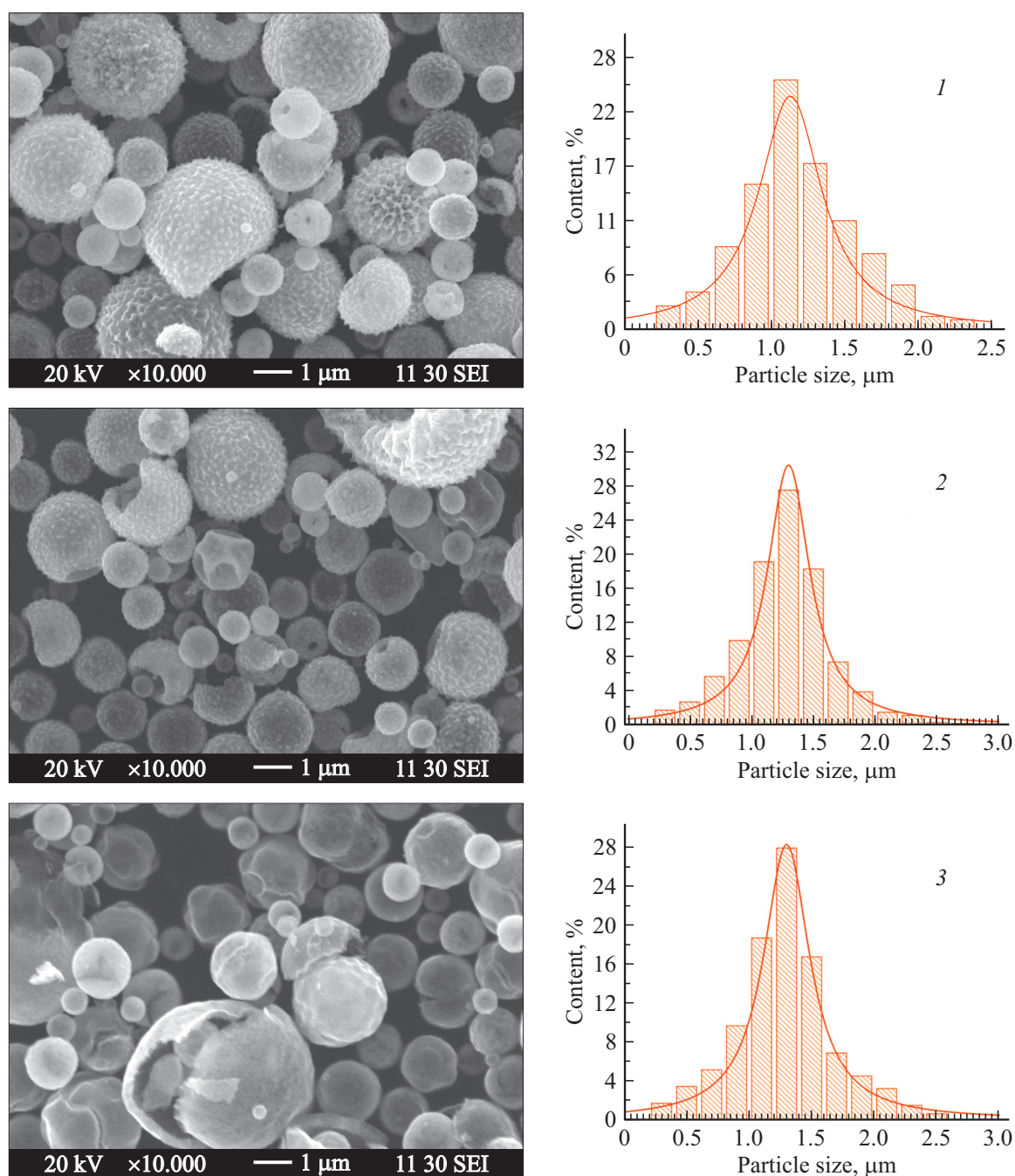
2. Эксперимент

Синтез Co_3O_4 проводили из раствора нитрата кобальта с концентрацией 1.75 mol/l. Для синтеза использовалась установка для ультразвукового спрей-пиролиза (USP) с частотой ультразвука 1.7 MHz [28]. Аэрозоль потоком воздуха со скоростью 14.6 ml/s подавалась в трубчатую печь, состоящую из двух частей: сушки капель аэрозоля и синтеза. После синтеза порошок улавливался электрофильтром. Нами синтезированы три образца: № 1 — из нитратного раствора при температуре сушки 623 K, № 2 — из нитратного раствора при температуре сушки 723 K и № 3 — из нитратного раствора с добавлением 2 молей винной кислоты на 1 моль Co_3O_4 при температуре сушки 623 K. Температура синтеза всех образцов составляла 1173 K.

Для фазового анализа использовался дифрактометр XRD-7000 (SHIMADZU) с вторичным монохроматором с излучением $\text{Cu K}\alpha$ в диапазоне 2θ от 20 до 80° с шагом 0.03°. Рентгеноструктурные исследования проводили на автоматическом дифрактометре STOE STADI-P, оборудованном линейным детектором мини-PSD с использованием излучения $\text{Cu K}\alpha$ в диапазоне 2θ от 5 до 120° с шагом 0.02°. В качестве внешнего стандарта выступал поликристаллический кремний ($a = 5.43075(5)$ Å). Морфологию сфер изучали с помощью сканирующего электронного микроскопа JEOL 6390 LA. Пористую структуру образцов исследовали методом низкотемпературной (77 K) сорбции азота на установке Micromeritics Gemini VII Surface Area and Porosity 2390t. Методами BET и VJH определены параметры пористости. Измерения плотности проводились на вакуумной пикнометрической системе AccuPyc II 1340 (Micromeritics, США). Рентгеновские фотоэлектронные спектры (РФЭС) записывались на спектрометре VG ESCALAB MK II. В качестве возбуждающего рентгеновского излучения использовалась линия $\text{Mg K}\alpha$ (1253.6 eV) без монохроматора. Магнитные характеристики синтезированных образцов изучались на криогенном магнитометре VSM-5T с диапазоном полей ± 50 кОе и температур 4–300 K. Спектры комбинационного рассеяния (КР) регистрировали на конфокальном рамановском дисперсионном спектрометре InVia Reflex (Renishaw, UK), оборудованном конфокальным микроскопом Leica DML, с Nd:YAG-лазером ($\lambda = 533$ nm) в качестве источника возбуждения.

3. Результаты и обсуждение

По данным рентгенофазового анализа получены однофазные образцы Co_3O_4 со структурой шпинели,

Рис. 2. СЭМ-изображения и гистограммы распределения сферических агломератов по размерам для образцов Co_3O_4 (1 — образец № 1, 2 — образец № 2, 3 — образец № 3).

Результаты структурных и магнитных измерений

Образец	d , nm	D , μm	ρ_p , g/cm ³	S , m ² /g	V_p , cm ³ /g	T_p , K	T_f , K	T_{irr} , K	H_c , T	H_E , T
№ 1	49.6	1.15	5.479	5.080	0.046	32	10	70	0.010	0.010
№ 2	55.2	1.30	5.689	6.003	0.042	36	10	60	0.015	0.015
№ 3	47.6	1.30	6.073	12.93	0.071	38	10	—	0	0

пр. гр. $Fd\bar{3}m$. Дифрактограммы всех образцов идентичны приведенной на рис. 1 для образца № 1. Установлено, что параметр элементарной ячейки ($a = 8.077(3) \text{ \AA}$) не зависит от условий синтеза и близок к значению объемного образца [ICDD card 78-1969]. При помощи метода Ле Бейла с использованием подхода Klug & Alexander [29], позволяющего определить вклад размерных эффектов в величину FWHM (полная ширина на половине высоты линии), были определены размеры областей когерентного рассеяния (CSR). Эти значения использованы для оценки размеров частиц, формирующих сферы (d) (см. таблицу). Следует отметить, что уменьшение размеров кристаллитов часто приводит к увеличению параметра решетки [30]. В нашем случае он практически соответствует объемному состоянию Co_3O_4 . Для наночастиц размером меньше 80 nm параметр решетки увеличивается до $8.1 \text{ \AA}$ [30]. Для получения наночастиц нужного размера обычно варьируют температуру отжига в диапазоне $723\text{--}1073 \text{ K}$, чем выше температура отжига тем больше размер зерен Co_3O_4 . Наночастицы, полученные при температуре ниже 1073 K могут обладать вакансиями по кислороду, что и приводит к увеличению параметров решетки. Наши образцы синтезированы при 1173 K . Сохранение параметров решетки может служить косвенным доказательством неизменности их стехиометрического состава.

Исследование порошков методом сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) показало, что все образцы представляют собой агрегаты сферической формы со средним диаметром $1.15\text{--}1.30 \mu\text{m}$ (рис. 2, таблица). Экспериментально измеренная плотность образцов ρ_p (таблица) меняется в диапазоне от 5.42 ± 0.02 до $6.06 \pm 0.02 \text{ g/cm}^3$. Видно, что в образце № 1 плотность существенно меньше значений, рассчитанных из данных рентгеноструктурного анализа ($\rho_{XR} = 6.073 \text{ g/cm}^3$).

Чтобы определить, являются ли полученные сферы полыми, мы измерили плотность образцов и оценили средний диаметр сфер Co_3O_4 . Среднее значение диаметра сфер с плотностью ρ_p можно оценить из закона сохранения массы $D_{cal} = d_{drop}(C/\rho_p)^{1/3}$, где C — концентрация раствора. Размер капель аэрозоля определяется выражением $d_{drop} = 0.34(\pi\sigma/\rho_L f^2)^{1/3}$, где σ — поверхностное натяжение (N/m), ρ_L — плотность раствора (kg/m^3), а f — частота ультразвука (MHz) [31]. Измеренные нами плотность и поверхностное натяжение исходного нитратного раствора составили 1231 kg/m^3 и 0.063 N/m соответственно. Добавление винной кислоты привело к увеличению плотности и поверхностного натяжения раствора до 1365 kg/m^3 и 0.068 N/m . Эти измерения позволяют вычислить средний диаметр капель аэрозоля ($2.50 \mu\text{m}$ для нитратных растворов и $2.47 \mu\text{m}$ для раствора с винной кислотой) и диаметр синтезированных сфер (0.64 и $0.62 \mu\text{m}$ соответственно). Экспериментально измеренные средние значения диаметров сфер ($1.15\text{--}1.30 \mu\text{m}$) в 2 раза превышают расчетные. Данный факт свидетельствует о том, что

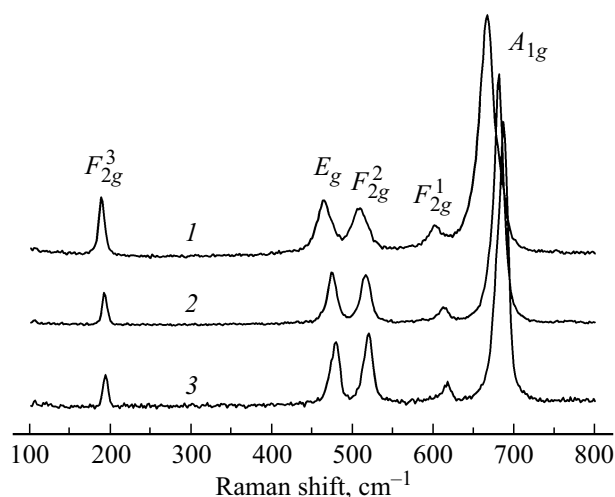

Рис. 3. Рамановские спектры образцов Co_3O_4 (1 — образец № 1, 2 — образец № 2, 3 — образец № 3).

синтезированные образцы представляют собой полые сферы, а измеренная плотность отвечает не плотности всей сферы, а плотности оболочки.

Дополнительная информация о морфологии оболочек полых сфер получена из адсорбционных измерений. Изотермы адсорбции/десорбции всех образцов соответствуют второму типу согласно классификации IUPAC, что характерно для непористых или макропористых адсорбентов с размером пор порядка 50 nm . Из приведенных в таблице данных экспериментов по адсорбции следует, что увеличение температуры сушки и введение винной кислоты увеличивает объем открытых пор и удельную поверхность образцов. С учетом результатов измерения плотности можно заключить, что в ряду образцов № 1–3 происходит выход закрытых пор на поверхность и уплотнение оболочки полых сфер.

Конфокальная комбинационная спектроскопия использована для изучения размерной зависимости фононного взаимодействия катионов кобальта в наночастицах, формирующих полые сферы Co_3O_4 . На рис. 3 показаны спектры комбинационного рассеяния. Во всех образцах наблюдается пять основных фононных возбуждений ($F_{2g}^3 + E_g + F_{2g}^2 + F_{2g}^1 + A_{1g}$), которые хорошо согласуются со значениями, предсказанными теорией групп и совпадают с литературными данными [30–32]. Полоса в области 680 cm^{-1} рассматривается как симметричная валентная вибрация Co-O октаэдрической (CoO_6) группы, которая присваивается виду A_{1g} в спектроскопической симметрии Oh_7 . Рамановские полосы со средней интенсивностью в области $440\text{--}550 \text{ cm}^{-1}$, имеют симметрию E_g и F_{2g}^2 соответственно, тогда как слабая зона, расположенная около 600 cm^{-1} , имеет симметрию F_{2g}^1 . Полоса около 190 cm^{-1} относится к характеристикам тетраэдрических узлов (CoO_4) симметрии F_{2g}^3 . Этот результат подтверждает образование нанокристаллов Co_3O_4 . Из сравнения КР-спектров образцов № 1 и 2 видно, что увеличение температуры сушки приводит к сужению и

сдвигу линий в область более высоких частот. Такие изменения в спектрах КР характерны для нанокристаллов. Для образца № 1 размер нанокристаллов составляет 49 nm, положение пиков A_{1g} и F_{2g} : 666.6 и 180 cm^{-1} соответственно, в образце № 2 — 55 nm положение пиков A_{1g} и F_{2g} : 680 и 192 cm^{-1} , что близко к результатам, представленным в работе [30]. Существенные отличия наблюдаются в спектре образца № 3, положение пиков A_{1g} и F_{2g} : 685 и 193 cm^{-1} соответственно. Несмотря на то, что сферы состоят из нанокристаллов с меньшим размером 46 nm, в спектре КР наблюдаются узкие пики и их положение приближается к значениям, характерным для объемного образца (A_{1g} : 691 cm^{-1}). Авторы [32] отмечают, что КР-спектры наночастиц Co_3O_4 диаметром 30 nm сильно зависят от их состояния агломерации и эффектов теплового прогрева лазером. В этой части работы можно заключить, что структура оболочки сфер в образце № 3 существенно отличается от образцов № 1 и 2. Близость положения пиков в спектре КР к объемному состоянию Co_3O_4 и малая ширина позволяют предположить, что образец № 3 обладает более плотной упаковкой наночастиц, чем в образцах № 1 и 2.

Предполагается, что при использовании винной кислоты возможно частичное восстановление оксида кобальта на поверхности наночастиц. Для определения химического состава поверхности наночастиц, формирующих сферы Co_3O_4 , проведено РФЭС-исследование. Данный метод не позволяет получить численные значения Co^{3+} и Co^{2+} с точностью выше 20% [33], тем не менее изменение в соотношении $\text{Co}^{3+}/\text{Co}^{2+}$ приводит к видимому искажению спектров $\text{Co } 2p$ за счет структуры спутников [34]. РФЭС спектры $\text{Co } 2p$ и $\text{O } 1s$ образцов № 1–3 полностью идентичны (рис. 4). В спектре $\text{Co } 2p$ наблюдается две линии при 780.0 и 795.2 eV, отвечающие $2p_{3/2}$ - и $2p_{1/2}$ -состояниям со спин-орбитальным расщеплением 15.2 eV, а также и максимумы от спутников, что совпадает с литературным данным [33]. В спектре $\text{O } 1s$ кислорода основная линия при энергии связи 529.6 eV отвечает за кислород в решетке Co_3O_4 [33], максимум при 531.8 eV связан с адсорбированными OH^- -группами [34].

РФЭС-анализ показал, что химический состав поверхности всех образцов полностью идентичен и соответствует стехиометрии Co_3O_4 .

Таким образом, синтезированные образцы идентичны по химическому составу в объеме и на поверхности, они характеризуются близкими средними значениями диаметров сфер 1.1–1.3 μm . Полученные результаты позволяют исключить влияние нестехиометрии и кривизны поверхности сфер на магнитные свойства. В то же время образцы № 1–3 отличаются размером наночастиц и плотностью их упаковки в оболочке сфер. Разница в размерах и плотности упаковки наночастиц должны проявиться в магнитных свойствах полых сфер Co_3O_4 .

При комнатной температуре полевые зависимости намагниченности трех исследованных образцов идентичны и соответствуют парамагнитному состоянию с нулевой коэрцитивностью (H_c) и остаточной намагниченностью (M_r), что совпадает с результатами работы [30]. При 4 К намагниченность полых сфер в поле

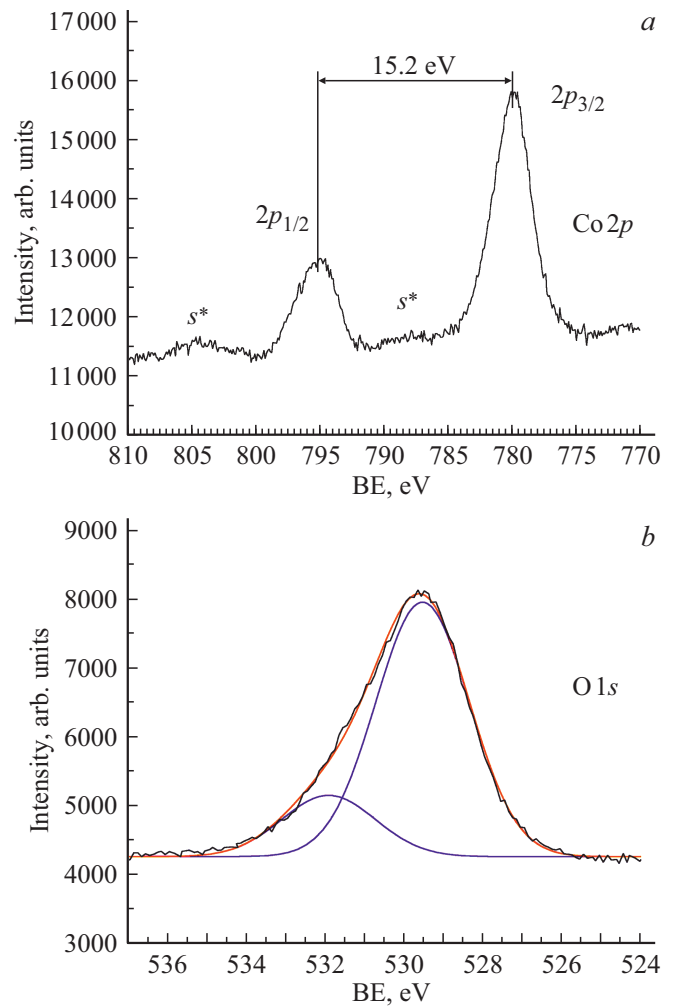
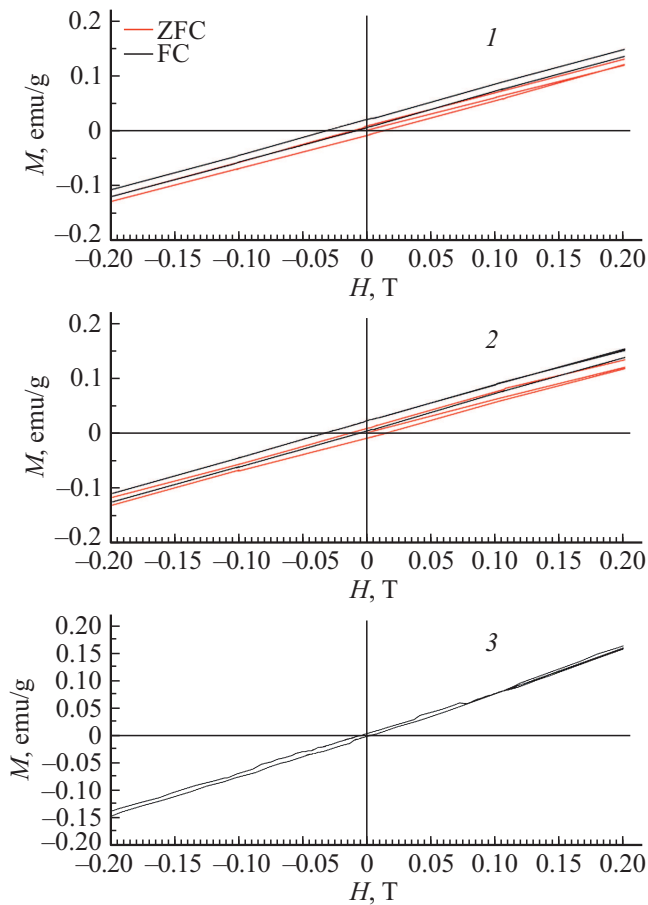

Рис. 4. Спектры РФЭС $\text{Co } 2p$ (a) и $\text{O } 1s$ (b) образца № 1.

5 Т составила 3.5 emu/g. Это совпадает с литературными данными для сфер Co_3O_4 диаметром 360 nm [24], хотя диаметр наших сфер практически в 3 раза больше. В образцах № 1 и 2 наблюдается слабый ферромагнетизм с остаточной намагниченностью порядка 0.01 emu/g и коэрцитивной силой $H_c = 0.01$ и 0.015 Т для образцов № 1 и 2 соответственно.

Во введении мы отмечали возникновение слабого ферромагнетизма в нанопорошках Co_3O_4 , связанного с нескомпенсированными поверхностными спинами. Такие наночастицы можно рассматривать как частицы с AFM-ядром и FM-оболочкой. Наличие такой магнитной структуры приводит к смещению петли магнитного гистерезиса (обменное смещение HE) [35]. На рис. 5 представлены центральные части петель, измеренных в режимах заморозки без поля (ZFC) и в поле (FC). В режиме ZFC образец охлаждали в нулевом поле до 4 К и измеряли намагниченность в интервале полей ± 5 Т. В режиме FC образцы охлаждали до 4 К от комнатной температуры в поле 5 Т и измеряли намагниченность в интервале полей ± 5 Т. Можно видеть, что петли гистерезисов FC образцов № 1 и 2 смещаются в сторону отрицательного

Рис. 5. Полевые зависимости намагниченности при 4 К для образцов Co_3O_4 в режимах ZFC и FC в поле 5 Т (1 — образец № 1, 2 — образец № 2, 3 — образец № 3).

поля и положительной намагниченности, в то время как в процессе ZFC петля центрирована относительно начала координат. Сдвиг петли FC обычно связан с обменным смещением. Коэрцитивное поле и поле обменного смещения определяются как $H_c = (H_c^+ - H_c^-)/2$ и $H_E = (H_c^+ + H_c^-)/2$ соответственно, где H_c^+ (H_c^-) представляет собой положительное (отрицательное) коэрцитивное поле рис. 5. Результаты измерений представлены в таблице.

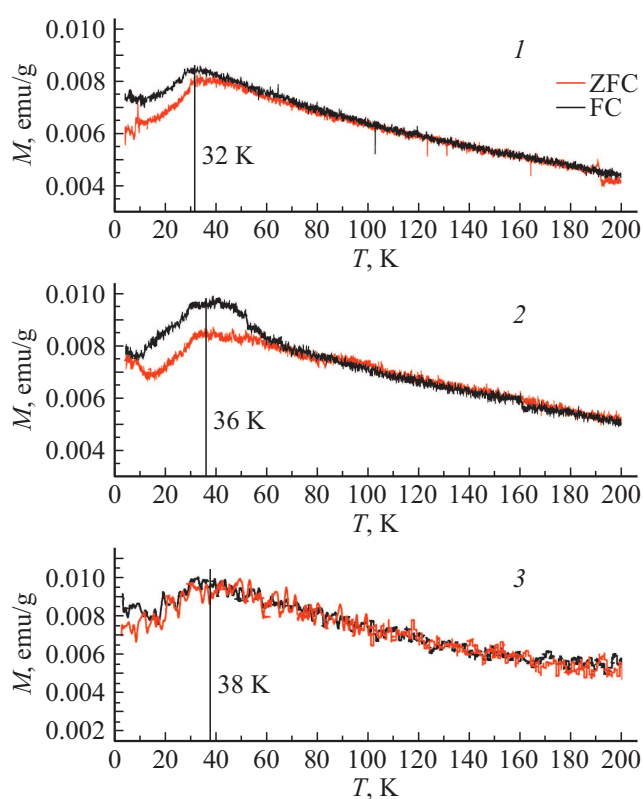
Для невзаимодействующих наночастиц наблюдается, как правило, увеличение обменного смещения при уменьшении диаметра частиц [30,35]. В нашем случае эта зависимость не соблюдается. Для образца № 1, сформированного наночастицами меньшего размера, значение H_E меньше, чем для образца № 2, состоящего из более крупных частиц. Следует отметить, что обменное смещение определяется не только размером частиц, но и зависит от таких факторов, как доменная структура AFM и FM, шероховатость поверхности [35]. Другим эффектом, который может иметь значение в наноструктурированных системах, является зависимость H_E и H_C от толщины поверхностного ферромагнитного слоя t_{FM} , в нашем случае представляющий собой интерфейс меж-

ду наночастицами. Смещение петли обратно пропорционально толщине слоя FM, $H_E \sim 1/t_{FM}$ [36]. Увеличение плотности оболочки может привести к уменьшению толщины интерфейса между наночастицами и приводит к увеличению H_E и H_C . Слабый ферромагнетизм и эффект обменного смещения наблюдался в полых сферах диаметром 360 и 680 nm [24]. Обнаруженное увеличение коэрцитивной силы и обменного смещения при уменьшении диаметра сфер авторы [24] связывают с ростом кривизны поверхности, но, к сожалению, в [24] нет данных о размере и плотности упаковки наночастиц в оболочках сфер. Нельзя исключить влияние кривизны поверхности и в нашем случае. Тем не менее, мы можем утверждать, что это влияние не существенно, так как образцы № 2 и 3 обладают близкими средними диаметрами, но отличаются магнитными характеристиками.

В отличие от образцов № 1 и 2 полевая зависимость намагниченности образца № 3 при 4 К изменяется линейно с приложенным полем с нулевой коэрцитивной силой и остаточной величиной намагниченности, что соответствует поведению объемного материала ниже температуры Нейля T_N [30]. Отсутствие ферромагнетизма в образце № 3 свидетельствует о малом количестве некомпенсированных магнитных моментов в интерфейсах наночастиц.

Дополнительная информация о магнитной структуре и температурах перехода в антиферромагнитное состояние получена из температурных зависимостей намагниченности, измеренных в режимах ZFC и FC. Для измерения ZFC образец охлаждали от 300 до 2 К в нулевом магнитном поле, намагниченность регистрировали при нагревании системы в магнитном поле 100 Ое. Для измерения FC образец охлаждали от 300 до 2 К в магнитном поле 100 Ое и регистрировалась намагниченность при нагревании системы в том же приложенном магнитном поле. На рис. 6 представлены температурные зависимости намагниченности в режимах ZFC и FC. Для всех образцов ниже 40 К наблюдаются максимумы. В большинстве работ, исследующих магнитные свойства Co_3O_4 , температуру максимумов T_p ZFC и FC связывают с температурой Нейля T_N (переходом в антиферромагнитное состояние). Авторы [21] отмечают, что T_p на несколько градусов выше T_N , тем не менее, отражает изменение T_N при изменении размеров нанокристаллов. Точное значение T_N может быть получено при измерении теплоемкости. Как видно из рис. 6, в ряду образцов № 1–3 наблюдается увеличение температуры максимума от 32 до 38 К.

В магнитных наноматериалах при уменьшении диаметра частиц происходит эффект собственного конечного размера, вызывающий снижение температуры магнитного упорядочения. Для образцов № 1 и 2 наблюдается типичная зависимость T_p от размера наночастиц (таблица). Образец № 3 состоит из частиц меньшего диаметра и демонстрирует высокое значение $T_p = 38$ К, совпадающее с таковым для объемного образца [37]. Данный факт позволяет предположить, что температура T_N зависит не

Рис. 6. Температурные зависимости намагниченности образцов Co_3O_4 в режимах ZFC и FC в поле 0.01 Т (1 — образец № 1, 2 — образец № 2, 3 — образец № 3).

только от размера нанокристаллов, но и от плотности их упаковки в оболочке.

Из кривых $M(T)$ для образцов № 1 и 2 можно выделить характерные особенности, отличающие их от образца № 3. Наблюдается расхождение линий ZFC и FC при температурах $T_{irr} \sim 70$ и 60 К соответственно (таблица). Сходное температурно-зависимое поведение намагниченности было зарегистрировано в нескольких экспериментальных кривых ZFC–FC для наночастиц Co_3O_4 [17–22,30]. Расхождение линий ZFC и FC может быть отнесено к спин-стекловидному поведению некомпенсированных спинов на поверхности нанокристаллов. Для образца № 3 зависимости $M(T)$ в режимах ZFC и FC полностью совпадают, что характерно для объемного образца [37].

Для всех образцов наблюдается увеличение намагниченности при температуре, определяемой как температура замерзания $T_f = 10$ К (рис. 6). Эта температура связана с замерзанием некомпенсированных поверхностных спинов, о чем неоднократно сообщалось для наночастиц Co_3O_4 разного размера и не наблюдается в объемных образцах. Увеличение намагниченности образца № 3 ниже 10 К является отличительной чертой данного образца от объемного. Наличие низкотемпературного перехода свидетельствует о существовании некомпенсированных поверхностных спинов [38].

4. Заключение

Метод ультразвукового спрей-пиролиза позволяет создавать функциональные материалы с уникальными свойствами, которые не могут быть получены традиционными методами неорганической химии, путем варьирования химического состава и кристаллического строения. Свойства таких материалов обусловлены размером частиц и формированием между ними границ раздела (интерфейсов). Материал на таких границах находится в особом аморфном состоянии и часто является основным элементом в формировании магнитных свойств. Поиск методов управления интерфейсами может оказаться эффективным способом получения материалов с новыми практически значимыми свойствами.

В настоящей работе методом USP получены полые сферы Co_3O_4 , обладающие идентичными параметрами решетки и химическим составом с практически равными средними размерами сфер. Отличительными особенностями является размер нанокристаллов, формирующих оболочку полых сфер и плотность их упаковки. Исследование полевых и температурных зависимостей намагниченности таких образцов позволило установить, что магнитные свойства полых сфер определяются не только размером наночастиц, но и плотностью их упаковки. Изменяя плотность упаковки, можно получить сферы с магнитными свойствами характерными как для наночастиц, так и для объемного материала.

Благодарности

Рентгеновские исследования проводились в лаборатории рентгеноструктурного анализа Института химии твердого тела УрО РАН. Авторы благодарят Е.С. Ульянову и М.В. Кандаурова за съемку КР-спектров.

Финансирование работы

Работа выполнена в рамках государственного задания научно-исследовательских работ Института химии твердого тела УрО РАН (AAAA-A19-119031890026-6).

Конфликт интересов

Авторы заявляют, что у них нет конфликта интересов.

Список литературы

- [1] D. Sellmyer, R. Skomski. *Advanced Magnetic Nanostructures*. Springer Science & Business Media Inc.: New York, N.Y., USA (2006).
- [2] S.D. Bader. *Rev. Mod. Phys.* **78**, 1 (2006).
- [3] J.I. Martín, J. Nogués, K. Liu, J.L. Vicent, I.K. Schuller. *J. Magn. Magn. Mater.* **256**, 449 (2003).
- [4] T. He, D.R. Chen, X.L. Jiao, Y.L. Wang. *Adv. Mater.* **18**, 1078 (2006).
- [5] M. Kläui, C.A.F. Vaz, L. Lopez-Diaz, J.A.C. Bland. *J. Phys.: Condens. Matter* **15**, R985 (2003).

- [6] A. Fert, L. Piraux. *J. Magn. Magn. Mater.* **200**, 338 (1999).
- [7] Y.B. Xu, S.M. Thompson. *Spintronic Materials and Technology*. Taylor & Francis Group, LLC, London, UK (2007).
- [8] V. Raman, S. Suresh, P.A. Savarimuthu, T. Raman, A.M. Tsasakis, K.S. Golokhvast, V.K. Vadivel. *Exp. Therap. Med.* **11**, 2, 553 (2015).
- [9] Wei-Chun Lin, Chun-Chao Chuang, Chen-Jung Chang, Ya-Hsu Chiu, Min Yan, Cheng-Ming Tang. *Nanomaterials* **9**, 200 (2019).
- [10] X.W. Lou, L.A. Archer, Z.C. Yang. *Adv. Mater.* **20**, 3987 (2008).
- [11] M.K. Lima-Tenório, C.S. Ferreira, Q.H.F. Rebelo, R.F.B. de Souza, R.R. Passos, E.A.G. Pineda, L.A. Pocrifka. *Mater. Res.* **21**, 2, e20170521 (2018).
- [12] J.G. Yu, X.X. Yu, B.B. Huang, X.Y. Zhang, Y. Dai. *Cryst. Growth Des.* **9**, 1474 (2009).
- [13] Z.L. Wu, K. Yu, S.D. Zhang, Y. Xie. *J. Phys. Chem. C* **112**, 11307 (2008).
- [14] Y.-E. Chang, D.-Y. Youn, G. Ankonina, D.-J. Yang, H.-G. Kim, A. Rothschild, I.-D. Kim. *Chem. Commun.* 4019 (2009).
- [15] H.T. Zhu, J. Luo, J.K. Liang, G.H. Rao, J.B. Li, J.Y. Zhang, Z.M. Du. *Physica B: Condens. Matter* **403**, 3141 (2008).
- [16] B. Raveau, M.M. Seikh. 2012 Electronic and magnetic properties of cobaltites with 3D „triangular lattice“. *Cobalt Oxides: From Crystal Chemistry to Physics* (Weinheim: Wiley) (2012). Ch 5. P. 211–247.
- [17] Y. Hayakawa, S. Kohiki, M. Sato, Y. Sonda, T. Babasaki, H. Deguchi, A. Hidaka, H. Shimooka, S. Takahashi. *Physica E. Low-Dimens. Syst. Nanostruct.* **9**, 250 (2001).
- [18] J.A. Mydosh. *Spin Glasses: An Experimental Introduction*. Taylor and Francis, London (1993). 280 p.
- [19] S. Sarkar, A. Mondal, N. Giri, R. Ray. *Phys. Chem. Chem. Phys.* **21**, 260 (2019).
- [20] S. Takada, M. Fujii, S. Kohiki. *Nanocrystals Nano Lett.* **1**, 379 (2001).
- [21] P. Dutta, M.S. Seehra, S. Thota, J. Kumar. *J. Phys.: Condens. Matter* **20**, 015218 (2008).
- [22] T. Mousavand, T. Naka, K. Sato, S. Ohara, M. Umetsu, S. Takami, T. Nakane, A. Matsushita, T. Adschiri. *Phys. Rev. B.* **79**, 1 (2009).
- [23] S.V. Komogortsev, V.A. Fel'k, O.A. Li. *J. Magn. Magn. Mater.* **473**, 410 (2019).
- [24] Q.-L. Ye, H. Yoshikawa, K. Awaga. *Materials* **3**, 2, 1244 (2010).
- [25] A.V. Dmitriev, E.V. Vladimirova, M.V. Kandaurov, D.G. Kellerman, A.Yu. Chufarov, A.P. Tyutyunnik. *J. All. Comp.* **743**, 654 (2018).
- [26] A.V. Dmitriev, E.V. Vladimirova, M.V. Kandaurov, D.G. Kellerman, M.V. Kuznetsov, L.U. Buldakova, R.F. Samigullina. *J. All. Comp.* **777**, 586 (2019).
- [27] A.V. Dmitriev, E.V. Vladimirova, M.V. Kandaurov, D.G. Kellerman, A.Yu. Chufarov, N.V. Tarakina, A.P. Tyutyunnik. *J. Electr. Mater.* **48**, 8, 4959 (2019).
- [28] А.В. Дмитриев, Е.В. Владимирова, М.В. Кандауров, А.Ю. Чуфаров, Д.Г. Келлерман. *ФТТ* **59**, 2338 (2017).
- [29] H.P. Klug, L.E. Alexander. *X-ray Diffraction Procedures for Polycrystalline and Amorphous Materials*. Wiley-Interscience, N.Y. (1974). 966 p.
- [30] S.R. Gawali, A.C. Gandhi, S.S. Gaikwad, J. Pant, T.-S. Chan, C.-L. Cheng, S.Y. Wu. *Sci. Rep.* **8**, 1 (2018).
- [31] R.J. Lang. *J. Acoust. Soc. Am.* **34**, 6, 785 (1962).
- [32] I. Lorite, J.J. Romero, J.F. Fernández. *J. Raman Spectrosc.* **43**, 1443 (2012).
- [33] D. Cabrera-German, G. Gomez-Sosa, A. Herrera-Gomez. *Surf. Interface Anal.* **48**, 5, 252 (2016).
- [34] Y. Xu, Z. Liu, D. Chen, Y. Song, R. Wang. *Prog. Natural Sci.: Mater. Int.* **27**, 2, 197 (2017).
- [35] J. Noguesca, J. Sorta, V. Langlaisb, V. Skumryeva, S. Surinachb, J.S. Munozb, M.D. Barob. *J. Phys. Rep.* **422**, 65 (2005).
- [36] J.F. Bobo, L. Gabillet, M. Bibes. *J. Phys.: Condens. Matter* **16**, S471 (2004).
- [37] S. Thota, S. Singh. *Nature of Magnetic Ordering in Cobalt — Based Spinels, Magnetic Spinels — Synthesis, Properties and Applications*. Mohindar Singh Seehra, Intech Open. (2017).
- [38] S. Sarkar, A. Mondal, N. Giri, R. Ray. *Phys. Chem. Chem. Phys.* **21**, 260 (2019).

Редактор К.Е. Емцев